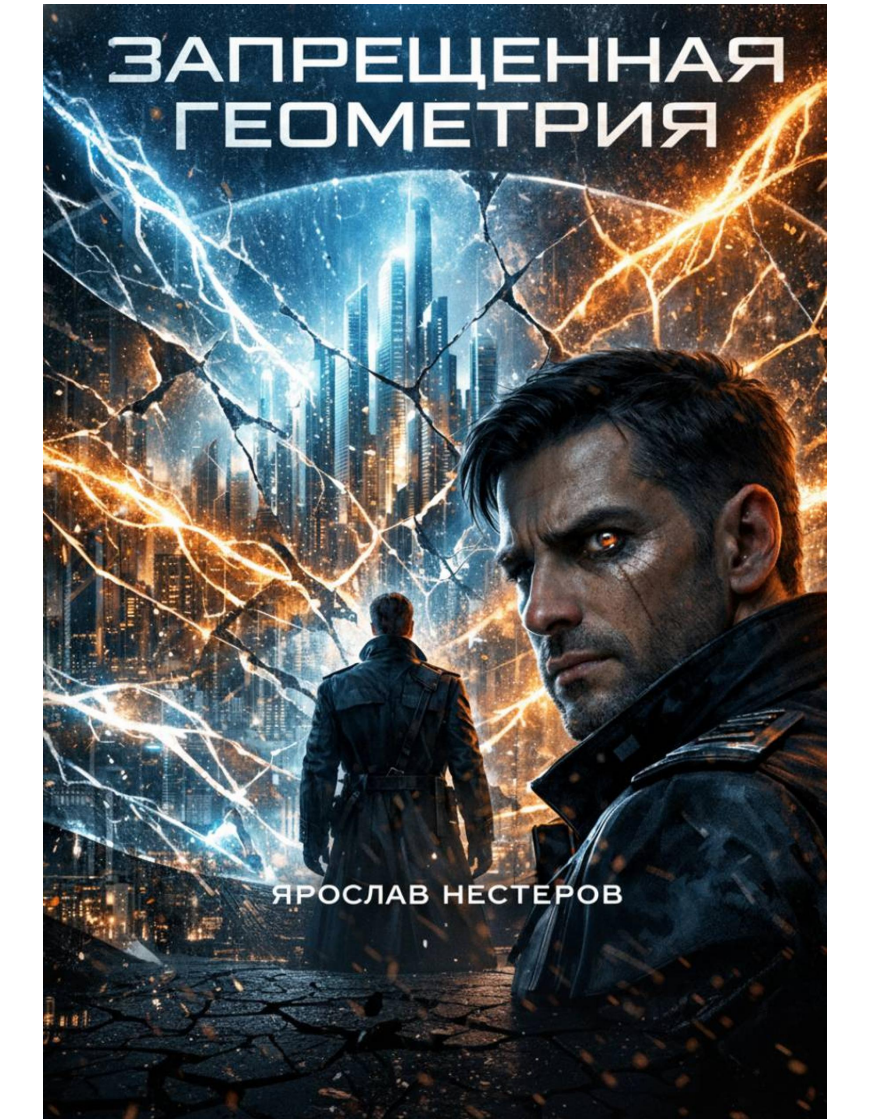


ЗАПРЕЩЕННАЯ ГЕОМЕТРИЯ



ЯРОСЛАВ НЕСТЕРОВ

Ярослав Алексеевич Нестеров

Запрещенная геометрия

Серия «Геометрия существования», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73309763

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга цикла – "Геометрия существования".

Легион – это сделка. Граждане жертвуют частью свободы, получая взамен гарантии: работа, жильё, безопасность, завтрашний день. Здесь нет богатых и бедных, нет случайностей. «Око» следит за каждым не для того, чтобы наказывать, а чтобы никто не посмел отнять у тебя будущее.

Это не идеальный мир. Но это рабочий мир. Единственный, который выжил после краха.

Пока Верховный Страж Каин не находит след проекта «Феникс» – технологии, которая идёт дальше. Она не ограничивает свободу. Она стирает саму возможность выбора. Делает из людей идеальных, бездушных исполнителей.

Проблема в том, что «Феникс» уже работает. И те, кто его создал, считают, что это единственный способ спасти человечество от самого себя.

Каин думает иначе.

Содержание

Пролог. Принцип.	4
Глава 1. Сигнал.	9
Глава 2. Дорога к абсурду.	18
Глава 3. Бюрократ и пепел.	23
Глава 4. Диагноз профессионала.	30
Глава 5. Феникс в пепелище.	37
Глава 6. Норма и аномалия.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ярослав Нестеров

Запрещенная геометрия

Пролог. Принцип.

ЗАПИСЬ ИЗ КРИПТО-АРХИВА КОРПУСА СТРАЖЕЙ.
ГРИФ «ТОЛЬКО ДЛЯ СТРАЖЕЙ КАТЕГОРИИ «ОМЕГА»
~ 2048-2050 гг. н.э. (по старому летоисчислению) Территория бывшего Уральского федерального округа.

Он знал дно. По-настоящему. Пять лет в липком, безвременном аду зависимости, где каждый день – это медленное самоубийство. Он вытащил себя оттуда сам, одним решением, силой воли, которая родилась на самом краю.

Потом была война. И еще одно имя, его имя на войне. Легат. Там не было парадов, была лишь грязь, холод и постоянное чувство долга перед теми, кто рядом. Он видел, как гибнут люди. Мальчишки, едва достигшие восемнадцатилетия. Седеющие мужчины, у которых дома ждали семьи. Хорошие, плохие, незнакомые. Смерть была демократичной и безликой. Он делал то, что считал нужным – вытаскивал раненых, прикрывал, держал слово. Пока одно ранение не отправило его навсегда в госпиталь, а оттуда – обратно в «мир».

Этот «мир» оказался болезненнее любого боя. Не разрушенный, а больной изнутри – жадный, лживый, циничный. Здесь не было пуль, но здесь убивали медленно: равнодушием, коррупцией, погоней за сиюминутной выгодой. Врачи торговали здоровьем, учителя – будущим, чиновники делили то, что ещё осталось от страны.

Люди жили в постоянном, тлеющем страхе за завтрашний день. И Легат понял: этот страх – та же самая зависимость. Наркотик, который убивает душу целого народа.

У него не было диплома. Зато была выжженная опытом ясность, стальная логика и полное отсутствие терпимости ко лжи. Он начал говорить. Не перед камерами, а в полутемных цехах, в гаражах, в очередях в поликлинике. Говорил то, что все видели, но боялись признать:

«Нас губят не враги. Нас губят наши слабости. Наше «моя хата с краю», наша готовность промолчать, наше желание урвать кусок побольше, пока другие не опередили. Пока каждый не начнёт делать то, что должен, а не то, что хочет или выгодно – мы все сгниём заживо. Не от снарядов. От той самой гнили, что я видел в другом аду».

Его слушали. Потому что за его словами стоял взгляд человека, который смотрел в оба этих лица смерти – и химической, и кровавой – и вернулся. Он не был чистым идеалистом. Он был солдатом, который понял, что самый важный бой – это битва за порядок в собственной душе и вокруг неё.

Когда в их области окончательно рухнула последняя ви-

димось власти, наступил хаос. Грабежи, банды, право сильного. Легат не пошёл отбирать у слабых. Он собрал вокруг себя таких же, как сам – отброшенных системой, но не сломленных: бывших военных, которые помнили слово «честь», врачей, которые хотели лечить, а не торговать, рабочих, которые умели создавать, а не разрушать. Они действовали не как мятежники, а как аварийная служба.

Первый шаг: Хлеб и тепло. Без шума заняли полузаброшенный хлебозавод и котельную. Инженеры и рабочие своими руками запустили оборудование. Первый закон родился сам: «Кто не работает на общее дело – не получает ни хлеба, ни тепла». Жестко? Да. Но честно и прозрачно.

Второй шаг: Безопасность. Из тех, кто умел держать оружие и помнил долг, создали дружину. Их правило было жёстким: «Увидел насилие – пресеки. Грабитель – враг. У врага нет прав на милость». Через несколько дней на их улицах стало тише, чем при прежней полиции.

Третий шаг: Правда вместо обещаний. Легат не сулил светлого будущего. Он говорил горькую правду: «Мы не строим рай. Мы чиним пробоину на тонущем корабле. Твоя койка в трюме будет жёсткой, но если ты сейчас не возьмёшься за помпу и не будешь тянуть канат – мы все пойдём ко дну. Выбирай: тянуть канат у нас, за скромный паёк и спокойный сон, или плыть на обломке к бандитам – за короткую «волю» и быструю смерть».

Люди, уставшие от унижительного страха, выбирали жёст-

кий порядок. Потому что он был предсказуемым. Потому что Легат и его совет ели из того же котла, что и все. Потому что здесь за проступок наказывали, а за труд – уважали.

Через несколько месяцев их город стал островком. Они не называли это государством. Они называли это «Порядок». Их законы были просты, как инструкция к оружию:

«Делай своё дело честно. Стой за спиной товарища. Не воруй у общего котла».

Бывший офицер, потерявший веру в приказы сверху, стал первым Верховным Стражем – костью закона. Врач, уставший торговать здоровьем, стал первым Куратором, в чьих руках была жизнь квартала. Инженер, запустивший котельную, заложил основу будущей Администрации. Сам Легат, не желая власти, стал живым арбитром – прообразом Хранителя. А их общие, выстраданные в хаосе правила легли в основу первого Кодекса.

Он не хотел создавать империю. Он просто хотел, чтобы дети не боялись идти в школу, а старики – выходить во двор. Он взял единственный рецепт, который знал – железную дисциплину, ясность, ответственность перед своими – и масштабировал его до размеров города.

Это и был зародыш Легиона. Не философская система, а практическая схема выживания, составленная человеком, который слишком много раз видел, к чему ведёт их отсутствие. И который сказал «хватит». Пора строить Дом. Не идеальный, но прочный. Дом, который простоит дольше, чем

память о войне и боли, которые его породили.

Глава 1. Сигнал.

«Пациент демонстрирует устойчивую неприязнь к базовым социальным скрепам. Реакция на коррекцию – негативная. Рекомендую перевод в условия максимального карантина для окончательной перепрошивки личности».

Из заключения психолога Клиники Социальной Дезинтеграции (КСД). Дело № 447-Г.

12.09.2151. 06:00. Кабинет Верховного Стража Каина, Цитадель Корпуса, Ядро Твердыни.

Кабинет Каина не имел потолка в обычном смысле. Над головой, на высоте четырех метров, простиралась абсолютная, матовая чернота. Не цвет, а отсутствие света, поглощающая пустота, как срез космоса. Это была не поверхность, а портал.

Из этой черноты, словно звёзды в безлунную ночь, рождались и гасли цифровые созвездия. Не мигающие огоньки, а гладкие, текучие узлы света. Они складывались в трёхмерные схемы патрульных маршрутов по секторам Твердыни, в пульсирующие графики вызовов экстренных служб, в бегущие строки сводок с границ. Данные не лежали на экране – они парили в объёме, образуя временные структуры: вот клубок аномальной активности в логистическом узле распутывается в чёткую нить расследования; вот вспыхивает и рас-

творяется сигнал о превышении скорости беспилотного грузовика.

Это не было наглядное представление. Это был непосредственный нервный узел «Ока», проецируемый в реальность. Каин, не поднимая головы, считывал состояние города по ритму и геометрии этого танца света. Быстрое мелькание – локальный инцидент. Медленный, кольцевой пульс – штатная работа. Появление нового, кроваво-красного кластера – ЧП.

Звуков не было. Только едва уловимый, ниже порога слышимости, вибрационный гул силовых полей, удерживавших проекцию. И холод. От черного «потолка» веяло не температурным холодом, а тепловым вакуумом, поглощающим любое излучение, кроме санкционированного.

Иногда, когда Каин концентрировался, узлы света реагировали – сгущаясь в точке его внимания, предлагая вложенные слои данных: биометрию задержанного, историю здания, архивный протокол. «Око» не слушалось его мысленных команд – оно предугадывало логику его запроса, будучи частью той же системы, что и его собственный, отточенный тренировками разум.

Смотреть на это долго было нельзя. Возникало ощущение, что ты не в комнате, а внутри черепа гигантского, безликого существа, и его мысли – эти светящиеся паттерны – текут у тебя над головой, не предназначенные для понимания, только для использования. Это была красота абсолютной, без-

душной функциональности. И Каин, сидя под этим цифровым небосводом, был не хозяином, а самым совершенным и преданным прибором в этой системе.

На столе, лишённом каких-либо личных вещей, ожило голографическое табло с гербом Корпуса – замкнутый щит с мечом. Беззвучный сигнал. Входящий вызов. Приоритет: «КРИПТО-ТЕТРАГРАММАТОН». Код, исходящий только из Конклава или кабинета самого Верховного Хранителя.

Каин коснулся проекции. В воздухе материализовалось лицо, лишённое даже намёка на индивидуальность – стандартный аватар для шифрованных линий высокого уровня. Голос прошёл через искажающий фильтр, превратившись в механический, бесполоый баритон.

– Верховный Страж Каин. Ваш цифровой отпечаток подтверждён. Готовы к загрузке задания?

– Готов, – собственный голос прозвучал для Каина странно глухо в искусственной тишине.

– Код дела: «ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА». Объект: Научно-Исследовательский Институт Клеточной Адаптации, сектор 7-Гамма. Событие: Самоуничтожение ведущего генетика, категория «Ведущий Созидатель», доктора Элиаса. Предсмертное действие: Полное стирание данных главного проекта под грифом “Бэта”, который курировался Советом Этических Границ, с локальных и сетевых накопителей. Физический носитель уничтожен плазменной горелкой.

Голограмма сменилась изображением лаборатории.

Оплавленная консоль, на полу – пепельный контур, где лежало тело. Никаких следов борьбы.

– Зафиксирован материальный ущерб?

– Отрицательно. Только данные. И собственное тело субъекта.

– Мотивация? – спросил Каин. Вопрос был процедурным.

– Не установлена. Оставлен текстовый артефакт. Цитирую: «Я увидел форму нашего будущего. Она совершенна, неопровержима и невыносима. Лучше небытие, чем такая геометрия существования.» Конец цитаты.

«Геометрия существования». Фраза зацепила разум Каина, как заусенец. Не «преступление», не «измена». «Геометрия». Слово учёного. Слово, описывающее не мораль, а структуру.

– Задачи, – констатировал он, отсекая дальнейший анализ до этапа расследования.

– Первичная: Провести аудит безопасности НИИ. Установить, не является ли инцидент прикрытием для утечки данных вовне. Вторичная: Восстановить логическую цепочку, приведшую к смерти субъекта Элиас. Все выводы – напрямую в криптоканал Конклава. Полевое разрешение: «АБСОЛЮТ».

«Абсолют». Это означало право изымать любые материалы, допрашивать любого сотрудника, включая директора института, и в случае малейшего подозрения в сокрытии – применять меры вплоть до изоляции в КСД.

Аватар замер.

– Вопросы?

Каин смотрел на пепельный контур на полу лаборатории. Не на труп. На форму. На пустоту, которую тот оставил.

– Один, – сказал Каин. – Доктор Элиас. В личном деле. Отмечены ли ранее случаи... эмоциональной нестабильности?

Пауза, пока система проверяла даже этот запрос на соответствие протоколу.

– Отрицательно. Характеристика: «Идеально стабилен. Рационален. Лоялен».

– Понял. Задание принимаю.

Связь прервалась. Тишина снова наполнила комнату, но теперь она была иной. В ней звенело странное, не поддающееся анализу эхо от чужой последней фразы.

Невыносимая геометрия.

Каин поднялся. Его движения, как всегда, были точны и экономны. Но когда его пальцы сомкнулись на холодном корпусе планшета для выезда, в мозгу, вопреки тренировкам, на долю секунды всплыл не отчёт, а образ. Образ учёного, сжигающего главное дело своей жизни не в припадке безумия, а в состоянии ледяной, рациональной ясности.

Такая ясность была Каину знакома. Это была его собственная ясность. И это делало предстоящее расследование не просто задачей. Это делало его диагностикой. Диагностикой болезни, которой, по всем законам Легиона, не могло су-

ществовать.

Тишину разрезал мягкий, но настойчивый гудок встроенного терминала. Каин, не отрывая взгляда от голограммы с контуром пепла на полу лаборатории, нажал кнопку.

Дверь бесшумно отъехала, впуская Артёма. Помощник-аналитик вошёл с привычной для него стремительностью, но, встретив ледяной, рассеянный взгляд Верховного Стража, резко сбавил шаг, будто наткнулся на невидимый барьер. В руках у него планшет, прижатый к груди, как щит.

Он был моложе Каина лет на десять. Короткие, тёмные волосы, уложенные с безупречной, почти маниакальной аккуратностью. На левой стороне груди его тёмно-серого кителя чётко выделялся вертикальный серебристый прямоугольник, разделённый на семь тонких секций. Три нижние были залиты матовым светом – знак аналитика третьего уровня в иерархии Корпуса. Щит с тремя камнями в основании.

Узкое, нервное лицо выдавало не страх, а интеллектуальное возбуждение охотника, напавшего на след. Его глаза, быстро перебегающие с планшета на Каина и обратно, казалось, сканировали реальность, переводя её в бинарный код.

– Верховный Страж, – голос Артёма был четким, выверенным, но в самом его тембре чувствовалась струна напряжения. Он жаждал отличиться, доказать свою полезность, и каждое задание от Каина было для него билетом в будущее. И одновременно – прогулкой по краю пропасти. Один промах, одна не та интонация...

– Артём, – Каин не стал тратить время на кивок. Его голос был ровным, лишенным эмоциональной окраски, как инструкция к аппарату. – Инициировано дело «Падающая звезда». Объект: Научно-Исследовательский Институт Клеточной Адаптации. Субъект: доктор Элиас Кодре, 5-й уровень «Созидатель». Причина: самоуничтожение с уничтожением данных по основному проекту.

Артём кивнул, пальцы уже бежали по поверхности планшета, открывая стандартные формы запросов.

– Мне нужна открытая матрица по двум векторам. Первый: институт. Полная структура за последние три года. Ключевые фигуры управления, публичные отчёты по КПЭ – ключевым показателям эффективности, все зафиксированные инциденты по линии безопасности, даже нулевой категории. Второй: субъект Элиас. Биографическая сводка, список публикаций, патентов, учебных групп. Все его официальные запросы в архивы, библиотеки и смежные отделы за последние восемнадцать месяцев. Особое внимание – на тематические сдвиги.

– Понял, – отчеканил Артём, уже мысленно распределяя запросы по отделам. Его внутренний бюрократ ликовал: задание ясное, алгоритмическое. Собрать, систематизировать, подать в утверждённом формате. – Запрошу у Архива, у Административного сектора института, у Бюро кадров Академии наук. Срок первичной сводки?

– Четыре часа, – Каин, наконец, поднял на него гла-

за. Взгляд был не оценивающим, а сканирующим, будто он проверял, правильно ли Артём декодировал команду. – Не углубляйтесь. Только факты, доступные на уровне моего доступа. Никаких крипто запросов и флагов для БВК – Бюро Внешнего Контроля.

(Каин как профессионал уточняет для подчинённого, хотя оба и так знают).

– Так точно. Только открытый контур, – Артём сделал ещё один, почти незаметный кивок, полупоклон, граничащий с рефлексом. Страх и амбиции на секунду смешались в нём в странный коктейль почтительного рвения. – Четыре часа. Будет сделано.

Он развернулся и вышел тем же чётким, но теперь уже более уверенным шагом. Дверь закрылась, вернув кабинету вакуумную тишину.

Каин откинулся в кресле. Его пальцы постукивали по полированной поверхности стола, отбивая беззвучный, неспешный ритм. Затем он поднялся и подошёл к огромному, почти от пола до потолка, окну.

За тонированным стеклом лежала Твердыня. Не город, а воплощённый чертёж. В серых сумерках она казалась вырезанной из единого куска тёмного камня и холодного света. Прямые линии магистралей, плоские крыши секторов, редкие, словно бусины, огни патрульных машин. Где-то там, в одном из таких же безликих корпусов, человек сгорел вместе со своим смыслом. Система фиксировала факт. Каин должен

был найти причину. Но глядя на этот идеальный, бездушный порядок, он впервые за долгое время поймал себя на мысли, которая не укладывалась в алгоритмы «Ока».

Интересно, — промелькнуло у него внутри, холодно и безлично, как запрос к самому себе. — Что может сломать человека в мире, где всё, от расписания до мыслей, должно иметь свою геометрию? Что за форма была у того, что он увидел и не смог вынести?

За окном Твердыня молчала, отвечая лишь мерцанием далёких огней — биением пульса в теле гигантской, непогрешимой машины.

Глава 2. Дорога к абсурду.

“Ось” – это нервная система Легиона. Её сигналы – наши действия. Её тишина – наш покой. Идеальное управление есть отсутствие необходимости в нём.

Из доклада «Принципы работы Государственной Расчётной Системы (ГРС «Ось») для слушателей Высшей Школы Управления».

07:15. Служебный электротранспорт, бортовой номер ТК-447. Назначение: НИИ Клеточной Адаптации, сектор 7-Гамма.

Машина не ехала. Она циркулировала, как безъядерная клетка по предустановленному руслу. Твердыня за стеклом была не городом, а развернутой в пространстве техно-схемой, медленно проплывающей в предрассветной мути.

Сектора Созидателей. Каин узнавал их с первого взгляда: плоские крыши-плато, застывшие сады, где даже зимний плющ вился строго по решёткам. Окна – ровные прямоугольники янтарного света. Ничего лишнего. Композитный камень, стекло, приглушённый синий отлив. Архитектура, отчеканивающая послание в подкорку: будь полезен. будь предсказуем. не выделяйся. Развязка – и пейзаж смыло, сменив палитру. Блоки Исполнителей. Здесь правил долговечный, бездушный полимер цвета пыли. Окна меньше, ча-

ще. Крыши те же плоские, но голые – только антенны-усы да ряды сушильных рамок. Ни души на улицах. Лишь чёрные, обтекаемые жуки-дроны ползали вдоль бордюров, вылизывая и без того стерильный асфальт. Воздух здесь был выпарен от любых запахов, кроме запаха чистоты, граничащей с небытием.

Впереди, на разделительной полосе, застыли две угловатые тени. Патруль. Броня поглощала свет, забрала отражали тусклое небо. Один Страж смотрел на поток пустыми глазами визора, другой склонился над планшетом на сгибе руки.

Марк, не отрывая взгляда от дороги, коснулся кончиками пальцев сенсорной панели. Молча. На лобовом стекле и в визорах Стражей на микросекунду вспыхнули, слились и погасли идентичные зелёные символы: маршрут, допуск, цель. Беззвучный цифровой выдох.

Страж у дороги, микро движением подбородка, отметил получение. Его напарник даже не шевельнулся. Машина проехала мимо. Ни окрика, ни жеста. Просто два элемента одной схемы, на мгновение обменявшиеся пакетами данных и разошедшиеся.

– Чисто, – хрипло проскрипел Марк, убирая руку. Не вопрос, а констатация факта, лишённого даже намёка на оценку. Система опознала свою часть и пропустила дальше. Нарушение здесь было бы не в остановке, а в тишине – если бы коды не сошлись, дорожное полотно само бы забрало управ-

ление на себя, ещё до того как пальцы Стража сомкнутся на оружии.

Каин наблюдал за этим ритуалом, отмечая про себя его безупречность. Рутина. Но сегодня эта самая рутина, этот идеальный, отлаженный механизм, резанул его по сознанию. В мире, где даже столкновение с патрулём было цифровой формальностью, самоубийство учёного торчало, как обрубок живой, дрожащей плоти на отполированной стальной поверхности. Как дикий вопль в этой звуконепроницаемой тишине.

– На семнадцатом ремонт, – голос Марка выдернул его из раздумий. – Пойдём низом.

Марк не смотрел на него. Взгляд был прикован к дороге и данным на стекле. Руки лежали на штурвале с той же неживой точностью, с какой Каин носил свой пистолет.

– Утверждено, – кивнул Каин, хотя это и не требовалось. Не просьба. Доклад. Привычка: командира всегда ставят в известность. Даже если командир – просто пассажир.

Машина нырнула в сияющую голубоватым сиянием утробу подземного тоннеля. Стены понеслись рядом, расчерченные ровными, гипнотическими полосами. Затор здесь был из области патологии: транспортное «Око» дренировало поток, направляя каждую единицу с безошибочностью фермента.

– Директор НИИ, Валентин Петрович, – Марк снова нарушил тишину, глаза бегали по данным. – В прошлом квартале получил взыскание. От Куратора по науке. За перерасход.

Информация лежала на поверхности, в открытых сводках. Марк, как и многие вышедшие в водители военные, копался в досье точки назначения по старой памяти. Разведка боем сменилась разведкой через интерфейс.

– Основание? – спросил Каин, уже зная ответ. Ему был важен угол зрения Марка.

– По бумагам – халатность. По коридорному гулу – гнал какой-то эксперимент. Торопился.

Гнался за результатом. Как и все. Как каждый, кто мечтал о пайке с лишним куском сыра и виде из окна не на стену соседнего блока, а на что-нибудь зелёное и не регламентированное. Эта мелкая, будничная алчность была Каину куда понятнее высоких доктрин. В ней была простая, грязная логика. А в деле Элиаса... от него веяло чем-то другим. Не запахом грязи, а запахом стерильной пустоты, в которой что-то умерло, не оставив даже трупа. Они вырвались из тоннеля в промзону. Масштаб сменился, став подавляющим: громады комбинатов, трубы, извергавшие не дым, а бледный, жадно поглощаемый рекуператорами пар. Даже отходы здесь были чисты, утилитарны, вписаны в цикл. Никого. Всё управлялось с пультов где-то в глубине Цитадели. Это был не завод, а пищеварительный тракт города, беззвучно, методично перерабатывающий ресурсы в энергию и материалы.

– Прибываем, – Марк сбросил скорость перед неприметным, но массивным зданием из тёмного стекла и стали. НИИ Клеточной Адаптации.

Каин бросил последний взгляд в окно. Между промзоной и науко-городком висел узкий рукотворный пояс зелени – лесопарк. Деревья стояли шеренгами, дорожки сходились под расчерченными углами. И тут он уловил движение – стайка разрешённых птиц сорвалась с идеально подстриженной ветки, нарушив геометрию. Мельчайший сбой. Аномалия.

Он отвернулся. Работа ждала. Но осадок от поездки остался: он проехал не через город, а через безупречный чертёж, где была учтена каждая деталь, вплоть до полёта птиц и ямы на дороге. И поэтому любая, даже самая ничтожная нестыковка в деле Элиаса – как эти птицы, взлетевшие невпопад, – должна была иметь значение.

Очень большое значение.

Глава 3. Бюрократ и пепел.

«Порядок в отчётности есть основа порядка в делах. Беспорядок в делах есть следствие беспорядка в отчётности.»

Аксиома, выведенная в Академии Непокколебимого Закона. Обязательна для изучения на курсах повышения квалификации администраторов.

07:42. Экспресс-лифт шахты «Дельта». Направление: Административный блок, уровень 40.

Лифт, капсула из матового сплава, доставила его беззвучно и точно на нужный этаж. Двери разошлись не в лобби, а сразу в длинный, ярко освещенный коридор главного административного крыла. Воздух здесь был иным – не застойным, а намеренно обездвиженным, словно его не только отфильтровали от микробов, но и от самой возможности иметь запах.

Под ногами – упругий, серый композитный настил, поглощавший любой звук шагов. Стены, окрашенные в цвет «влажного асфальта» (регламент №45-С по интерьеру госучреждений), были пусты. Никаких плакатов, картин, указателей. Только на равном удалении друг от друга – матовые таблички с цифро-буквенными кодами: «Сектор 7-Гамма. Корпус А. Уровень 4».

Коридор был длинным и безликим, сотканным из молча-

ния принудительной вентиляции и мягкого свечения панелей. Воздух здесь не имел запаха – система очистки вытягивала даже намёк на химикаты из лабораторий. Но в этой стерильной пустоте угадывалось иное напряжение – вечное трение живой мысли о бетонные стены регламентов.

По левую руку, за прозрачными стенами из сверхпрочного полимера, простирались лаборатории. Там царил иной, почти священный беспорядок: мерцали голограммы сложных молекул, беззвучно скользили роботы-манипуляторы, на мониторах пульсировали данные. Это было место создания. Дорогое, высокотехнологичное, оправданное лишь верой в будущую пользу. Инвестиция, охраняемая не только Стражами, но и незримым оком Совета Этических Границ.

По правую руку тянулась стена сплошных, матовых дверей. Административный блок. Стоимость его содержания, Каин знал, была сравнима с крылом лабораторий. Но тратились здесь не на открытия, а на процесс. На тонны отчётов, планы, графики, оправдания, распределения и, главное – на умение представить вчерашний прорыв как закономерный результат, а сегодняшний провал – как ценный опыт. Если левое крыло производило смысл, то правое – производило ему оправдание для системы.

Коридор упёрся в дверь. Она не была прозрачной. Масивная, подчёркнуто солидная, с табличкой «Директор. Код доступа: А-1». За ней скрывалось главное таинство этого места – не наука, а власть. Власть распределять ресурсы, ста-

вить галочки и, с непоколебимым видом, отчитываться перед вышестоящим Куратором о безупречном ходе дел.

Каин на секунду замер. Его взгляд, холодный и резкий как сканер, провёл черту между прозрачной лабораторией и глухой дверью. Парадокс, – отметил его аналитический ум. Мышцы системы обнажены для обзора. Её мозг спрятан в бетоне. Он приложил ладонь к сенсору. Дверь, издав глухой, почтительный щелчок, отъехала в сторону, впуская его в царство Валентина Петровича.

Каин вошёл – и его обоняние, отточенное годами поисков, уловило то, чего не могла отфильтровать вентиляция. Запах. Смесь старой бумаги, микрочастиц пыли с потёртого ковра и дешёвого освежителя с навязчивым ароматом «Свежесть». Запах канцелярии. Запах провинциальной бюрократии Леонида, везде одинаковый, где экономили на всём, кроме аккуратности в графах

За столом поднялся человек, чей облик был столь же предсказуем. Валентин Петрович. Средних лет, лицо с мягкими, невыразительными чертами, которые годами тренировались принимать одно из двух выражений: озабоченную сосредоточенность или подобострастную готовность. Сейчас на нём было первое.

– Верховный Страж Каин, – голос его был ровным, отработанным, без придыханий и лишних эмоций. – Прошу. Вы уже ознакомились с местом происшествия?

– Каин кивнул, заняв стул без приглашения. Его взгляд

скользнул по стеллажам с аккуратно подшитыми папками, по стенду с графиками выполнения квартальных КПЭ, где все линии упрямо ползли вверх.

– Ознакомился, – сказал Каин. Его голос не изменился, но в нём появилась лёгкая, почти неуловимая сталь. – Оплавленный терминал. Контур пепла, повторяющий позу. Плазменная горелка малой серии «Искра-7». Установлена на максимум. – Голос Каина оставался ровным, но в нём появилась лёгкая, почти неуловимая сталь. Он выдержал паузу, впиваясь в директора взглядом. – Странный выбор. Магнитный импульсатор из того же набора убил бы данные чище и тише. Выбрать плазму – это уже не утилизация. Это жест. Демонстрация. Как вы считаете, почему ваш гений решил устроить представление, вместо того чтобы просто стереть всё к чёрту?

На лице Валентина Петровича дернулась какая-то тень – испуг, замешательство, – и тут же растворилась в привычной, натренированной озабоченности. Он явно не ждал такого поворота.

– Я... Я не технарь, товарищ Верховный Страж. Возможно, доступ был ограничен... или...

– Доступ у него был ко всему, – сухо, как удар тупым лезвием, прервал его Каин. – Вернёмся к поведению. Последние недели. Замыкался, конфликтовал, задавал нестандартные вопросы? Вы ничего такого не заметили?

Директор сделал вид, что погрузился в размышления, но

Каин видел – в тех глазах идёт не поиск, а быстрая, лихорадочная сортировка: что сказать можно, а что – опасно.

– Да что вы, совсем наоборот, – Валентин Петрович сделал странный, суетливый жест, будто поправлял на столе невидимые папки. – Работал, как одержимый. Ночные смены брал, в лаборатории жил. Мы даже бумаги на «За усердие» готовили к концу квартала. И вдруг... это.

В его голосе прозвучала неподдельная досада. Не от потери человека. От испорченной, идеально выстроенной отчётности, в которую теперь придется вписывать это нелепое, кровавое пятно.

– Журнал его последних работ, – продолжил Каин, не отводя холодного взгляда. – Он должен быть. Где?

Директор слегка побледнел. Тот самый момент, когда мелкая, бытовая, серая ложь карьериста прорывается сквозь лакированную поверхность протокола.

– Товарищ Верховный Страж, вы же понимаете... Работа носила, скажем так, поисковый характер. Предварительные наброски. Формального журнала, в строгом соответствии с регламентом, могло и не вестись... Элиас был гений, ему кое-что прощалось. Важен ведь результат, а не бумажки?

Каин слышал паттерн. Паттерн человека, который боится не расследования, а того, что вскроются его собственные мелкие нарушения: разрешил гению работать без должного оформления, чтобы тот гений быстрее выдал результат и закрыл план квартала.

– Какой результат? – спросил Каин. – Куда смотрел куратор по науке? Кто утверждал тему?

Валентин Петрович заёрзал. Его взгляд упёрся в зелёную линию на графике.

– Тема была утверждена... на локальном уровне. В рамках внутреннего резерва института. Мы же должны развивать инициативу снизу, верно? – Он попытался улыбнуться. – А куратор... вы же понимаете, у него двадцать таких институтов на контроле. Он доверяет нашей отчётности.

Вот она, система в действии, подумал Каин. Карьерист на низу боится карьериста наверху. Один закрывает глаза на нарушения, чтобы получить цифры. Другой закрывает глаза на враньё, чтобы не портить статистику. И где-то в зазоре между ними, в этой серой зоне, рождается что-то, что заставляет гения устроить демонстративный спектакль самоуничтожения.

– Мне понадобятся, – сказал Каин, вставая, – все ваши внутренние приказы за последний год. Расписания работы лабораторий. И журналы доступа. Даже к поисковым проектам.

– Но... это займёт время! – вырвалось у директора, и в его голосе впервые прозвучал чистый страх не за институт, а за себя. – У нас же план по...

– План по расследованию инцидента категории «Падающая звезда» сейчас в приоритете, – Каин произнёс это безразлично. – Ваши административные планы будут скоррек-

тированы сверху. Содействуйте. Это приказ.

Он вышел, оставив директора в кресле, который смотрел уже не на графики, а в пустоту, с тихим ужасом человека, понявшего, что идеально отлаженный механизм его маленького мирка только что провернулся с неприятным скрежетом, и винтиком в этом механизме оказался он сам.

Глава 4. Диагноз профессионала.

«Показатель «эффективности» ничего не говорит о цене, которую за него платит нервная система. Моя задача – оценить эту цену и, по возможности, снизить её, не нарушая плановых показателей.»

Из служебной записки врача-профпатолога 4-го уровня Леры Сомовой на имя куратора НИИ КА.

07:58. Приёмная кабинета №17-Г. Врач-профпатолог 4-го уровня: Л. Сомова.

Каин вошёл в кабинет на три секунды раньше назначенного времени. Протокол.

Врач-профпатолог уже ждала. Она поднялась из-за стола – движение точное, без суеты. Лира Сомова. Данные из файла ожили, обрели форму, которая, как он мгновенно отметил, была безупречна с точки зрения норм и при этом... отвлекающе целостна.

Она была строгой в том смысле, в каком строг точный чертёж. Высокая, но не худая – в её осанке чувствовалась собранная, почти атлетическая готовность, как у хирурга перед долгой операцией. Черты лица – чёткие, без излишеств: прямой нос, определённая линия скул, плотно сжатые губы, не знавшие косметики ярче бесцветной гигиенической помады. Красота её была не из тех, что пестовали в салонах Арт-

Корпуса. Это была красота функционального совершенства, красота отточенного скальпеля.

На правом рукаве её белого медицинского халата выделялась горизонтальная серебристая полоса, разделённая на семь секций. Четыре из них, слева направо, были заполнены матовым металлом – знак специалиста четвёртого уровня, врача-Созидателя. Символ стабильного, последовательного труда.

Волосы, убранные в безукоризненное, глубокое каре цвета холодного блонда, лежали идеальным шлемом, чёткая линия среза проходила на сантиметр ниже мочки уха – как предписывало «Руководство по внешнему виду медицинских работников 2-й категории». Ни одной выбившейся прядки.

Именно поэтому аномалия, которую Каин уловил в течение первой же секунды визуального сканирования, была так поразительна. При повороте её головы к свету монитора, когда она кивнула в ответ на его нейтральное «Доктор Сомова», в резкой тени, отброшенной идеальным срезом прически, на внутренней стороне пряди у виска, мелькнула полоска цвета, которого в палитре Арт-Корпуса не существовало. Тусклый, приглушенный свет ламп выхватил на миг не блонд, а призрачный, блекло-розовый оттенок, словно след выцветшей краски или воспоминание о чём-то ярком, тщательно спрятанном под слоем безупречного соответствия.

Это не было броским вызовом. Это был тихий манифест,

адресованный, возможно, лишь ей самой. Знак, что под маской безупречного функционера живёт кто-то, кто помнит о существовании других красок, кроме серого, белого и чёрного. И этот знак Каин – чей взгляд годами тренировался замечать малейшее отклонение от шаблона, малейшую трещину в фасаде – увидел. Он не сделал заметку в планшете. Он просто занёс этот факт в тот отдел памяти, где хранились не улики, а парадоксы.

Она снова села, её лицо – снова безупречная маска специалиста. Но щель в монолите уже была обнаружена. И когда она сказала своё первое *Готова ответить на вопросы*, Каин уже знал, что будет слушать не только её слова, но и тихий розовый шепот под идеальным блондом, который говорил о неповиновении куда красноречивее любой ереси.

Кабинет был образцовым снимком системы здравоохранения Легиона: ни пылинки, ни лишнего предмета. Мониторы демонстрировали не кардиограммы, а графики «коэффициента полезного действия» и «кривые стресс-накопления». Здесь не лечили болезни – здесь оптимизировали человеческий ресурс. Воздух был очищен до состояния безвкусыя.

Лира Сомова ждала, её руки лежали на столе параллельно краю. Идеальный интерфейс для получения данных.

– Доктор Сомова. Дело 7-Гамма-441, – начал Каин, запуская запись на планшете. – Ваша должность и обязанности в отношении сотрудника Элиаса.

Голос её был чист, лишён обертонов, как дистиллирован-

ная вода.

– Врач-профпатолог второй категории. Контроль за соблюдением режима труда и отдыха, плановые осмотры раз в квартал, мониторинг биометрических показателей в реальном времени через систему «Вигор». При необходимости – коррекция состояния в рамках протоколов Системы Оптимизации Трудоспособности.

Она говорила, глядя чуть выше его плеча, в стену, где висел плакат с диаграммой «Пирамида эффективного восстановления».

Каин видел в ней не человека, а идеально отлаженный механизм обратной связи. Система работала. Она была её безупречным элементом.

Он задавал вопросы, она давала ответы. Даты осмотров. Показатели. Рекомендации (сбалансировать БЖУ в пайке, увеличить время на сон на 37 минут, короткий курс ноотропов серии «Когнитив-5»). Всё по регламенту. Всё разумно, эффективно, бесчеловечно в своей правильности. Здоровоохранение, которое лечило не пациента, а производительность.

Затем Каин коснулся ключевого пункта.

– В ваших заключениях за последний период нет указаний на психическую нестабильность. Однако инцидент – суицид. Ваше профессиональное мнение: могли ли вы прогнозировать срыв? Были ли скрытые признаки?

Именно тогда произошёл сбой в идеальном механизме.

Не в позе, не в голосе. Во взгляде. Её серые, аналитические глаза, которые секунду назад отражали только свет мониторов, вдруг сфокусировались. Зрачки сузились. И в их глубине, за стеклянной гладью протокола, полыхнуло синим, холодным пламенем чистой, нечеловеческой ярости. Не личной обиды, не страха. Ярости учёного, который видит, как варвары топчут его лабораторию. Ярости профессионала, чью работу свели к галочке в отчёте.

– Прогнозировать, – её голос стал тише, но в нём появилась стальная проволока. – По каким параметрам, Верховный Страж? По уровню кортизола? По паттернам сна? Мои графики показывали оптимальную адаптацию к высоким нагрузкам. – Она ударила пальцем по экрану, где змеилась зелёная линия «индекса резистентности». – Система говорит: ресурс стабилен. Но система не измеряет того, что происходит здесь.

Она провела пальцем по виску, там, где под безупречным блондом таился розовый цвет.

– Она не видит, когда человек перестаёт задавать вопросы. Когда он начинает бояться не провала, а пустоты успеха. Вы спрашиваете о признаках срыва. Я видела признак истощения смысла. А это – диагноз, которого в моих протоколах нет. Его нет ни в одном руководстве Легиона. Потому что наша система здравоохранения, – она впервые повысила голос на полтона, и это прозвучало громче крика, – заточена на то, чтобы вернуть винтик в строй. Но она не спрашивает,

зачем этому винтику крутиться.

Она откинулась на спинку кресла, дыхание ровное, но в кулаках, сжатых на коленях, белели костяшки. Ярость схлынула, сменившись ледяной, горькой усталостью.

– Вы пришли искать предателя, нарушителя Кодекса. А я могу показать вам только пациента. Которого система признала абсолютно здоровым вплоть до того момента, пока он не решил эту систему... проверить на прочность. Сгореть – это тоже форма обратной связи. Просто самая последняя.

В наступившей тишине гудели вентиляторы. Каин молчал, его мозг, привыкший раскладывать всё по полочкам «угроза / не угроза», впервые столкнулся с категорией «трагедия».

И тогда его взгляд, оторвавшись от её лица, упал на единственный диссонирующий элемент в этой вселенной полированного пластика и стали. Не на стене, не на полке с медицинскими справочниками. На краю её стола, рядом с санкционированной печатью, стояла неглубокая стеклянная чаша из химической лаборатории. В ней – немного воды. И в воде – простой кленовый лист, уже начавший слегка подкручиваться по краям, но упрямо зелёный. Он был сорван явно не из одобренного оранжерейного комплекса – в нём были мелкие дырочки от насекомых, чуть неровный край.

Это не было сувениром. Это был артефакт. Свидетельство того, что доктор Лира Сомова, безупречный функционер медицинской машины, в какой-то момент вышла во

внутренний дворик, нашла живое, несовершенное, противозаконно растущее дерево и, нарушив десяток правил благоустройства, сорвала с него листок. Не для пользы. Не для отчёта. Просто так. Чтобы напомнить себе, что существует иная форма жизни – неэффективная, хрупкая, не вписанная в графики, но отчаянно, упрямо зелёная.

В этот момент Каин понял, что расследует не просто дело о нарушителе. Он стоит на границе двух войн: войны Закона с Хаосом – и другой, тихой войны человечности с бесчеловечным совершенством. И врач с розовыми прядями под блондом и увядающим листком на столе была живым полем боя этой второй войны.

Он закрыл планшет.

– Спасибо, доктор. Вы свободны.

Глава 5. Феникс в пепелище.

«Субъект: Элиас Кодре. Допуск: 5-го уровня «Созидатель». Назначение: ведение проекта «Феникс» (гриф «Бета», тема: «Оптимизация нейрофизиологических коррелятов социальной адаптации»). Примечание: проект получил положительное заключение Подкомиссии СЭГ по биоэтике 14.03.99»

Выдержка из сводного отдела кадров НИИ КА, представленная аналитиком Артёмом по запросу ВС Каина.

08:30. Серверная ниша контроллеров доступа, коридор 4-го уровня, НИИ КА

Сводка от Артёма легла в папку дела с тихим электронным щелчком. Проект «Феникс». Гриф «Бета». Положительное заключение СЭГ. Каин пробежался глазами по сухим строчкам. Всё сходилось. Гениальный учёный получает доступ к передовым исследованиям, работает на пределе, система фиксирует стресс, но не нарушение. Затем – срыв, суицид. Классическая схема «перегорания ресурса высокой категории». Механизм Легиона работал безупречно: выявил, использовал, утилизировал отработанный элемент. В отчёте не было ни дыр, ни эмоций. Только безупречная логика. Дело можно было закрывать. Формальности.

Каин решил проверить последнюю техническую деталь –

логи контроллеров с дверей лаборатории Элиаса за последнюю неделю. Для этого вызвали техника из службы безопасности НИИ.

Им оказался Равиль. Мужчина лет сорока с сонным, апатичным лицом, в котором застыла усталость от двадцати лет наблюдения за тем, как ничего не происходит. Его движения были медленными, но точными. Он молча подключил портативный терминал к считывателю, его пальцы, покрытые мелкими шрамами от пайки, бесшумно летали по клавишам.

– Ничего особенного, – хрипловато пробурчал Равиль, не отрываясь от экрана. – Входил, выходил. По графику и вне. Чаще – вне.

Каин наблюдал за ним. Этот человек видел не предателей или учёных. Он видел объекты, пересекающие дверные проёмы.

– Часто задерживался?

Равиль фыркнул, будто его спросили, часто ли идёт дождь.

– Задерживался? Он тут жил, по-моему. Последние месяца три свет в его боксе горел допоздна. Не просто так, понимаете. – Техник наконец оторвал взгляд от терминала и посмотрел на Каина тусклыми, знающими глазами. – Бывает, человек сидит – думает. А у него... – Равиль сделал жест, словно ловил что-то в воздухе, – ...горят глаза. Как у одержимого. Не спал, не ел, наверное. Только работа. Пока не...

Он не договорил, снова уткнувшись в экран, но слово повисло в стерильном воздухе коридора.

Одержимый.

Каин вернулся в свой временный кабинет, намеренный уже диктовать предварительное заключение. Его пальцы замерли над клавиатурой, когда на краю экрана планшета мигнул значок личного сообщения. Не по служебному каналу. От Артёма.

Шеф. Полагаю Вам стоит взглянуть на это. Неофициально. Прикреплённый файл не имел кричащих заголовков. Это была скриншот-подборка: выдержки из системы учёта рабочего времени, запросы к материальным базам, протоколы доступа в спецархив. Всё об Элиасе. Всё аккуратно обведено, соединено стрелочками ручной отрисовки. Видно было, как молодой аналитик, не надеясь на алгоритмы «Ока», вручную прочёсывал цифровую пыль, пытаясь уловить узор.

И в центре этого самодельного коллажа красовалась выдержка, от которой у Каина на миг остановилось дыхание. Не из отдела кадров. Из журнала проектов СЭГ, категория «Бета».

ПРОЕКТ «ФЕНИКС» РУКОВОДИТЕЛЬ: ЭЛИАС.

ЦЕЛЬ: Разработка и экспериментальное обоснование методик точечной нейрофизиологической коррекции для повышения устойчивости к стрессу и служебной надёжности у граждан высших категорий ответственности.

ТЕЗИС: «Если сознание есть продукт биологии, то и его «неполадки» — страх, апатия, экзистенциальная тревога — суть биологические сбои. Их можно не подавлять воспита-

нием, а предотвращать коррекцией исходного кода».

СТАТУС: Положительное заключение Подкомиссии по биоэтике от 14.03.99. ЗАКРЫТ

12.09.99 с формулировкой «Цели проекта достигнуты. Дальнейшие исследования в данном направлении признаны излишними».

Каин перечитал последнюю строчку дважды. «Цели достигнуты. Дальнейшие исследования излишни.»

Это был не отказ. Это был успех. Беспрецедентный. Проект категории «Бета» (ограниченные, рискованные исследования под колпаком) почти никогда не закрывали с такой формулировкой. Их обычно либо продлевали, либо отправляли в «Крипто-архив» как слишком опасные.

Значит, Элиас чего-то добился. Чего-то такого, что СЭГ счётёл достаточным и... слишком окончательным, чтобы продолжать.

И тут взгляд Каина упал на последнюю пометку Артёма, сделанную красным виртуальным маркером прямо на скриншоте. Аналитик провёл линию от даты закрытия проекта (12.09.99) к данным доступа в лабораторию. И написал: *ШЕФ. ОН ПРОДОЛЖАЛ РАБОТАТЬ. ЕЖЕДНЕВНЫЙ ДОСТУП К ЛАБОРАТОРИИ, ЗАПРОСЫ К ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМ БАЗАМ ДАННЫХ. ДО САМОГО КОНЦА. ПРОЕКТ ЗАКРЫТ, А ОН – НЕТ. В ЧЁМ РАЗНИЦА?*

Вопрос висел в воздухе, наивный и смертельно опасный. Артём, рвущийся доказать свою проницательность, ткнул

пальцем в самую суть. Разница была между приказом системы и одержимостью учёного. Система сказала «стоп». Учёный не смог.

Вся официальная сводка, которая теперь лежала поверх этой самодельной схемы, говорила одно: гений, стресс, срыв, суицид. Дело закрыто. Но то, что прислал Артём, и то, что сказал Равиль, складывалось в другую формулу: успех, одержимость, нарушение приказа, самоуничтожение.

Каин откинулся в кресле. Голограмма официального дела, которую он собрал было в центре комнаты, теперь казалась ему не доказательством, а ширмой. Аккуратной, гладкой, идеальной ширмой, за которой что-то пряталось. Что-то, что заставило систему сначала сказать «да, это гениально», а потом – «хватит, прекрати», а учёного – работать дальше, с глазами одержимого, пока он не сжёт всё дотла.

Каин откинулся в кресле. Голограмма официального дела, которую он собрал, в центре комнаты, теперь казалась ему не доказательством, а ширмой. Аккуратной, гладкой, идеальной ширмой, за которой что-то пряталось.

И в этот момент хаоса из противоречивых данных в его памяти, вопреки логике, всплыл не отчёт, а образ. Не график, а взгляд. Холодная, синяя ярость в глазах врача Сомовой. Её слова, которые тогда показались эмоциональным срывом, теперь обрели вес холодного диагноза: *Вы ищете предателя... а я могу показать вам только пациента, которого система признала здоровым вплоть до момента, пока*

он не решил эту систему... проверить на прочность.

Она видела. Не данные «Феникса», не приказы СЭГ. Она видела того самого пациента, который шёл от одержимости к пропасти. Её ярость была яростью свидетеля, которого система заставляла молчать, ограничивая диагнозом «стресс в пределах нормы». И этот свидетель, со своим розовым под блондом и увядающим листком, был живым доказательством того, что в безупречных отчётах не хватает целого измерения. Измерения, в котором одержимость – не статистическая погрешность, а причина. Измерения, в котором человек может быть одновременно здоровым по всем параметрам и – смертельно больным для самого себя.

Её образ встал в его сознании как контрольная точка, как аномалия, подтверждающая аномалию. Если система ошиблась в диагнозе для Элиаса (а ярость Сомовой кричала, что да), то она могла ошибаться и во всём остальном. Логика её гнева была страшнее логики отчётов. Она была человеческой.

Финальная мысль Каина прозвучала в тишине уже не как догадка, а как приговор самому себе:

Природа не терпит идеальных геометрий. Их создаёт либо разум, либо ложь. Здесь слишком много разума для самоубийства. И слишком много лжи для правды. Нужно выяснить, с чем я имею дело.

Только теперь он понимал – возможно, он открывает не то дело, которое ему поручили. Он открывает другое. И Артём, сам того не ведая, только что передал ему ключ. Он не

чувствовал азарта. Он чувствовал необходимость. Как если бы, проверяя безупречно работающий механизм, он услышал внутри него тихий, не предусмотренный инструкцией скрежет. И теперь не мог не разобрать его на части, чтобы узнать, что на самом деле сломалось.

Дело закрыто не будет.

Глава 6. Норма и аномалия.

«Наиболее ценные данные часто получают не на допросе под лампой, а в беседе у общего котла. Расслабленный разум склонен к неосторожности. Задача Стража – создать иллюзию расслабленности».

«Тактика неформального опроса», учебник Академии Корпуса Стражей.

12:15. Государственная столовая №47 для служащих категорий «Б2-В3», сектор 7-Гамма.

Столовая №47 была образцом пищевой логистики Легиона. Никаких запахов – мощные вытяжки поглощали их быстрее, чем они успевали родиться. Никакого шума, лишь гул конвейеров, тихий гул голосов и стук посуды. Граждане получали свой паёк не в очереди, а по индивидуальному алгоритму: подносили идентификатор к считывателю, и на ленте перед ними материализовался поднос с едой, строго соответствующей его статусу, трудовым баллам и медицинским показаниям.

Каин занял столик у стены, место с максимальным обзором входов. Его поднос появился через семь секунд после сканирования. На тёмной, биоразлагаемой тарелке лежала котлета из телятины с ровным сечением, порция зелёной спаржи под лёгким соусом и два куска зернового хлеба слож-

ной структуры. Питьё – прозрачный напиток с электролитами и витаминным комплексом. Паёк Верховного Стража. Не роскошь, но максимальная эффективность в рамках нормы.

Артём вошел, нервно оглядываясь. Его поднос сгенерировался дольше, на десять секунд. На нём была котлета из куриного филе, тушёная свёкла с морковью и тот же хлеб, но уже один кусок. Разница была не в голоде, а в статусе, выведенном на тарелке цифрами калорий и граммами белка.

– Шеф, – кивнул Артём, садясь.

– Ешь, – сказал Каин, не глядя на него, разрезая котлету. Его движения были механическими, без намёка на удовольствие. Пища была топливом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.